

Рецензия на книгу А.Ф. Старцева «Ороки — орочёны, а не уйльта!» К проблеме этногенеза ороков Сахалина»¹

Название рецензируемой книги, как и отчасти её содержание, по причине заключённой в них экспрессии вызывают ассоциации со стихотворением В. Маяковского «Скрипка и немножко нервно». В самом деле, трудно было ожидать от исследования по этнонимии и этногенезу ороков — мы будем по умолчанию придерживаться энциклопедического наименования — такого переплетения сложнейших проблем этногенеза и этнической истории этого небольшого (даже среди малочисленных коренных этносов Дальнего Востока) народа. Прежде всего читатель обратит внимание на целое созвездие имён исследователей, поскольку автором тщательно проработаны историография и история вопроса об ороках как этносе и о соседствующих с ним народах. Другие проблемы, освещаемые в книге, — тождественность названий *ольча*, *ульча*, *ульта*, *уйльта*, вопрос об источниках вариантов или гетерогенных названий ороков, соотношение автоэтнонимов и аллоэтнонимов ороков и других народов Нижнего Амура и Сахалина, типы мотивированности и производящие основы названий этносов Восточной Сибири и Дальнего Востока, генезис и преференции современных официальных именовании малочисленных народов в условиях возможности выбора или смены имени и, наконец, традиционная в исследованиях по этногенезу и этнической истории проблематика сходств в материальной культуре ороков с народами Нижнего Амура и Сахалина, а также эвенами, которые, по мнению автора, сыграли заметную роль в этногенезе ороков.

Всего книга содержит 11 глав. Первые четыре — «Исторические сведения об ороках Сахалина (вторая половина XIX — первая четверть XX в.)», «Отражение проблемы этногенеза ороков Сахалина в трудах советских и постсоветских исследователей», «Противоречия в трудах Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга», «Слепая вера в непогрешимость кумиров науки чревата последствиями» — посвящены истории и историографии вопроса об этногенезе ороков и происхождении названий *ольча*, *ульча*, *ульта*, *уйльта*, а также этнониму *орочён* как одному из самоназваний ороков. Следующие четыре главы — «Этнические причины миграций населения Охотского побережья, Приамурья и Приморья в XVII в.», «Территория обитания предков ороков и время их переселения на Сахалин», «Охотские орочёны в системе этногенеза и этнической истории народов Приамурья, Приморья и Сахалина», «Этнографические параллели в материальной

¹ Старцев А.Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.

культуре охотских эвенов, ороков Сахалина, орочей и удэгейцев бассейна Амура» — содержат всесторонний анализ этнополитической ситуации, приведшей к формированию предков ороков, а также выводы о причинах и предполагаемом времени переселения их с материка на Сахалин. Далее главы «Распространение понятия *орочёны-оленеводы* у тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока» и «Этнонимы ороков Сахалина и их этимология в отечественной этнографической литературе» рассказывают об истории этнонима *орочён* у тунгусоязычных народов Сибири и Дальнего Востока и демонстрируют поиски объяснений происхождения орокских этнонимов. В последней главе «Вместо заключения» подводятся итоги рассмотрения проблематики этногенеза и этнической истории ороков в отечественной научной литературе.

А.Ф. Старцев так кратко формулирует свои основные выводы: «Автор предполагает, что предками ороков являются местные жители, которые в виде этнографической группы находились в составе мангунов — населения Нижнего Амура» (с. 5—6). Далее он пишет: «Для решения всех этих проблем необходим комплексный подход специалистов разных направлений — этнографов, филологов, географов, историков и др. Кроме этого, специалистам необходимо решить, какое использовать самоназвание ороков — *орочёны* или *ульта*, *уильта* или *уйльта* — и можно ли последние этнонимы склонять по падежам?» (с. 10). Нужно заметить, что частично вопросы о нормативном названии этноса оказались в поле зрения коллег А.Ф. Старцева, которые как раз и предложили пару *орок* (мужчина) — *ульта* (женщина) вместо непонятно откуда взявшегося *ороканка*, рекомендованного Р.А. Агеевой².

Начнём с бесспорных достоинств книги. Они однозначно представлены информативным обзором истории изучения орокского этноса, данным в главах 1—3, а также исследованием миграций народов Приамурья, предшествовавших этногенезу ороков (гл. 5), скрупулёзным исследованием материковой прародины ороков (гл. 6), анализом северотунгусских, прежде всего эвенских, параллелей в культуре ороков (гл. 8), что является весьма новым в этнографическом изучении народов Нижнего Амура и Западного Приохотья, и, возможно, несколько субъективными, но достаточно свежими по подходам и содержанию трактовками этнонима *орочён* и его этнического и культурного содержания (гл. 7 и 9). Глава 11, посвящённая этимологии различных названий ороков, очень хороша по тщательности проработки литературы вопроса и, несмотря на отдельные несогласия рецензента с автором, очень полезна, т.к. определён «закрыт» многие версии и трактовки, оказавшие влияние на размышления А.Ф. Старцева и способные запутать других исследователей.

Однако как раз в этом материале есть возможность ещё раз его осмыслить, отделить научную архаику и неизбежный политес перед именами

² Решетов А.М., Бурькин А.А. <Рец. на кн.> Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Этнолингвистический словарь-справочник. М., 2000 // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 168—172.

классиков этнографии и основоположников изучения языков народов Амура и Сахалина и представителями смежных наук (прежде всего — лингвистами) от того, что указывает на нерешённость проблем этнонимов, связанных с орокским этносом, и определяет поиски более приемлемых решений.

Приведём две цитаты из обсуждаемой книги: «Л.Я. Штернберг... выдвинул идею, что орокские названия ольча и ульча появились из слова, которым ороки называли своих оленей. „Олень, — писал Штернберг, — на языке ороков звучит аля, уля, а отсюда ольча, ульча“. Эти орокские названия, по мнению учёного, соответствуют тунгусскому понятию ороchon — „оленоводы“³» (с. 7); «Если считать, что название *ульча* представляет собой новое написание слова *ольча*, как это отмечали В.К. Арсеньев и А.Н. Липский⁴, то можно глубоко ошибиться, так как слово *ульча* связывается с рекой (*уль*)⁵, а этимология слова *ольча* выводится из слова „рыба“ (*оль*)⁶» (с. 25).

Название оленя у ороков — *ула*⁷ (статья *улта* «орок»). Как явствует из фундаментального свода тунгусо-маньчжурской лексики, оно не имеет параллелей в других тунгусо-маньчжурских языках, кроме ороцкого *ула* «олень домашний» и маньчжурского *улха* «скот»⁸. Следовательно, при данной этимологии *ула* могло, причём с малой вероятностью, быть самоназванием ороков, но никак не их наименованием, данным соседями, у которых такого слова нет. Это название оленя имеет разительную параллель в древнетюркском *улау* «вьючное животное, верховой конь»⁹, которая, однако, может указывать на древность слова или на его заимствование в эпоху тунгусо-тюркских контактов, несравненно более отдалённую от нас, чем этногенез ороков. Но против этимологии Л.Я. Штернберга есть ряд современных возражений, основанных на корректности этимологического анализа. Во-первых, конечный гласный *a* в названии оленя не должен был отпадать при образовании производных. Во-вторых, что такое *-ча* и закономерное для орокского языка *-та* в этнонимах, как будто бы образованных от данного названия животного, — непонятно, и этого не объяснили даже лингвисты, этимологизирующие названия жителей Амура (см. гл. 10). В-третьих, возникает вопрос — уже к автору как создателю оригинальной теории о гетерогенности форм *ольча* и *ульча*, — почему при

³ Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. С. 396.

⁴ Арсеньев В.К. Этнологические проблемы на востоке Сибири // Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Тихоокеанское издание «Рубеж», 2012. Т. 3. С. 562; Липский А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племён бассейна Амура // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьёй А. Липского). Хабаровск, 1925. С. XLIII.

⁵ Липский А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племён бассейна Амура // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьёй А. Липского). Хабаровск, 1925. С. XLV.

⁶ Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. С. 35.

⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 263.

⁸ Там же.

⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 608.

наличии *ольча* как отдельного этнонима не встречается форма ***ольта*, которую мы вправе были бы ожидать. Не случайно А.Ф. Старцев пишет: «К сожалению, в наши дни уже невозможно выяснить у самого Штернберга, почему ороки перед чужими людьми в одном случае называли себя *ольча*, а в другом — *ульча*» (с. 25).

Этимологии форм *ольча* и *ульча*, данные А.М. Золотарёвым и А.Н. Липским, вызывают ещё больший скептицизм и заслуживают ещё более жёсткой критики, чем размышления Л.Я. Штернберга, — тем более что они оказали заметное воздействие на последующие разыскания и едва не завели их в тупик. Мы не имеем в тунгусо-маньчжурских языках корня слова «река» в форме *уль* (ср. уд. *ули* «вода», ороц. *ули* «река большая», ма. *ула* «река»¹⁰, ульч. *ула* «яма» (ледяная), скорее всего относится к статье *ула-* «намочить»¹¹, где не хватает как раз ульчских данных), гласный в этом корне не отпадает, значит, образование от него формы *ульча* невозможно — элемент *-ча* опять же остаётся без объяснения. Нет в тунгусо-маньчжурских языках и корня слова «рыба» в свободной форме *ол-* (ср.: эвенк. *олло*, *олдо*, эвен. *олра*, *олла*, *олда*, нег. *оло* «рыба» при ороц. *окто*, уд. *оло*^h*о*, ульч. *холто(н)*, орок., нан. *холто* «рыба отварная» (нан. кур.-урм. *оло* «рыба» — эвенкийское заимствование))¹². Здесь главное препятствие — то, что в языках Приамурья корень со значением «рыба» представлен в виде *хол-* — более древней формы, чем северотунгусская *ол-*. Разумеется, этноним *ольча* не выводим ни из арманской формы *ол'чи* (ещё никто не называл соседей «рыбой»), ни из основы производного глагола *олти-* «есть рыбу», не имеющей суффиксов.

К досаде, ошибочные заключения А.Н. Липского до недавнего времени умножались в литературе по проблеме этнонимов Дальнего Востока. А.Ф. Старцев пишет: «Ю.А. Сем, как и Т.И. Петрова, обоснованно считал, что „этимологию слова ульта надо искать в тех языках, где этот термин употребляется для обозначения ороков — эвенкийском, негидальском и в других тунгусских языках“¹³. Скрупулёзно рассматривая проблему этногенеза ороков, он пришёл к выводу, что все высказывания предыдущих исследователей, за исключением А.Н. Липского, в вопросе этимологии названий ульча несостоятельны. По его мнению, название этих двух народов связывается с понятием „вода“ — *ули*, *ул* + аффикс *чан*, что означает „речные люди“, „поречане“»¹⁴ (с. 121—122). Несмотря на то, что

¹⁰ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 260.

¹¹ Там же. С. 257—258.

¹² Там же. С. 140.

¹³ Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времён до наших дней). Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С. 81.

¹⁴ Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь: этнографические исследования // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14. С. 8.

данное построение поддержано лингвистами, его нельзя принять и можно оценивать только как дань традиции: суффикс *-ча* не оформляет названия жителей местности.

А.Ф. Старцев не принял для интересующих его этнонимов ни этимологии А.Н. Липского, ни этимологии А.М. Золотарёва. Он пишет: «Существующие названия *ольча*, *ульча* и *уйльта*, ставшие этническими именами субэтнических групп ороков Сахалина, относятся к топонимам Приамурья и Охотского побережья, о чём будет сказано в других разделах книги» (с. 20). Однако рассмотренные нами объяснения, возводящие *ольча* и *ульча* к разным основам, как бы утвердили исследователя в мысли, что эти формы имеют разное происхождение и образованы от разных основ. Тут уместно было бы задаться вопросом, если эти формы образованы от разных основ, то почему они не встречаются вместе ни в одном языке, кроме орокского? Объяснение этого парадокса мы дадим ниже, пока же нам придётся обратиться к лингвистическим данным об этнонимах и близких к ним формах названий орокского этноса.

Документация на эти формы такова: эвенк. (Сахалин): *улта* — «орок-мужчина», *ултамни* — «орокская женщина»; улча (Урмийский диалект): *ульча* — «мужчина», *улчамңу* — «ульчанка» («женщина-ульча»); нег.: *олча* (низовские и материалы П. Шмидта) — «ульча»; *олчан* (низовские) — «удэ»; ороц.: *ула* — «олень» (домашний); ульч.: *улча* — «орок»; орок.: *уйлта-ул'та* [*ул'ча] — «орок» (самоназвание), *ула* — «олень» (домашний); маньчж.: *улха*, *улха узима* «скот» (вообще), «животное» (домашнее)¹⁵, *улта* — «орок».

Некоторые комментарии: эвенкийские формы *улта* и *ултамни* являются исконными для эвенкийского языка, но *улча* и *улчамңу*, служащие у урмийских эвенков названиями ульчей, явно заимствованы из языков ульчско-нанайского типа, скорее всего — из языка типа ульчского же (в нанайском ожидалось бы *олча*, в орокском — *улта*), на это однозначно указывает форма названия женщин с южнотунгусским суффиксом *-мңу* вместо севернотунгусского *-мни*. Негидальская форма с начальным *о-* хотя и зафиксирована рано, но точна¹⁶.

Процитируем опять автора: «А.В. Смоляк обоснованно заявляет, что в их (ороков — А.Б.) составе обнаруживаются ульчи, ороци, удэгейцы, нанайцы и другие народы Приамурья и Охотского побережья»¹⁷ (с. 28). Теперь нам становится ясно, откуда именно происходит каждая конкретная форма: *олча* — негидальцы в составе ороков, *улча* — ульчи в составе ороков, *улта* — самоназвание ороков на орокском языке, *уйлта* — какая-то позднейшая форма, которую А.Ф. Старцев рассматривает отдельно от

¹⁵ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 262—263.

¹⁶ См. Цинциус, 1982, с. 257 (олча, ульча).

¹⁷ Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 63—68; Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1968. Вып. VI. С. 35.

трёх других. Странно, что у негидальцев не оказывается отдельного названия для ороков, хотя они являются одними из самых близких их соседей, а эвенки для обозначения ороков заимствовали их самоназвание.

Это позволяет свести вместе и возводить к одному названию формы *олча*, *улча*, *улта* и с большой вероятностью *уйльта* (если последняя вообще не является обратным японским заимствованием), как и принято в отечественной традиции. Однако соотношение форм нам ничего не говорит об этимологии данного наименования нескольких этносов как научного термина и о его происхождении.

А.Ф. Старцев в своих рассуждениях и анализе мнений предшественников (хотя бы в аспекте принимать / не принимать) всё приготовил для решения невероятно сложной проблемы происхождения интересующих нас форм *улча* (соответственно и русск. *ульча*) и *улта* (русск. *ульта*). Говоря о форме *уйльта*, он отмечает: «По этому поводу В.Д. Косарев писал: „Чего мне не мог объяснить никто — это появление кажущегося лишним звука [й] в названии, происходящем от „уля/ула“... Ведь у большинства соседних народов Севера самоназвания переводятся как „человек“, „люди“, „народ“, а этнонимы по занятиям или культурным особенностям обычно даются другими племенами“»¹⁸ (с. 59). Первая ремарка В.Л. Косарева говорит о том, что он был склонен принять этимологию Л.Я. Штернберга со всеми её «аля-уля». Вторая реплика этого автора даёт нам ключ к почти полуторавековой загадке названия нескольких этносов, которое только у самого позднего по формированию народа превратилось в самоназвание — *ульча* ~ *ульта*. По нашему убеждению, которое согласуется с мыслями В.Д. Косарева и цитирующего его с явным сочувствием автора обсуждаемой книги, форма *улча* как самая архаичная из известных нам (негидальский язык изменён в сравнении с эвенкийским, орокский — вовсе новейший из южной ветви тунгусских языков) происходит от маньчжурского *урсэ* — «народ, люди, общество, толпа»¹⁹, параллели для которого в других тунгусо-маньчжурских языках составителями словаря не указаны. Однако в документации на этноним *улта*, уже явно не связанный с оленями и прочим скотом (ма. *улха*), маньчжурские данные отсутствуют. Примеры на переходы *p* ~ *л* в ульчском и нанайском языках, не всегда поддающиеся упорядочению в системы, и *ч* ~ *с* в ульчском, нанайском и маньчжурском языках не являются редкостью, тем более, что в наших примерах речь будет идти не об исторических корреспонденциях, а о заимствовании маньчжурского слова тунгусскими языками — при заимствованиях строгие соответствия вообще не выдерживаются.

¹⁸ Косарев В.Д. Ороки (ульта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными. Культурное наследие народов Дальнего Востока России Сахалинской области. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. обл. краевед. музей, 2009. С. 19.

¹⁹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 286.

Попытки верифицировать реконструкцию *урча для данного слова хотя бы для приамурского ареала показали, что сочетание согласных -рч- для тунгусо-маньчжурских языков встречается в единичных примерах и его рефлексы прослеживаются плохо. Редкий пример: эвенк. *арча-* — «встретить», нег. *атчалди-* — «встретиться» (-лди- — показатель совместности — А.Б.), ороч. *ачали-* — «встретить», уд. *асали-* — «встречать», ульч. *ачан-* — «встречать», орок. *атāли-* — «встретиться», нан. *ача(н)-* — «компания», ма. *ача-* — «встречаться», *ачан-* — «сбор. сходка, съезд, собрание»²⁰. В нём отмечается переход *ч > т*, характерный для орокского языка.

Самое любопытное, хотя оно и не имеет отношения к нашему сюжету, — что маньчжурское *ачан* — «сбор, сходка, съезд, собрание» точно соответствует социониму *ачаны*, которое было зафиксировано документами Ерофея Хабарова 1648 г., но не встречается в документах В. Пояркова 1846 г.²¹ У двух отрядов, спускавшихся по Амуру, были разные толмачи, которые принимали соционимы за этнонимы, и по этой причине названия народов, живших в то время на Амуре, не были зафиксированы. Становится ясно, что если дючеры — это просто маньчжурские караулы по берегам Амура²², то ачаны — большое скопление народа, «сбор, сходка, съезд, собрание». Понятно, что искать «Ачанский городок», руководствуясь сходством этого названия с какими-то приамурскими топонимами и тем более этнонимами, бесперспективно.

Мы пока не знаем, как именно маньчжуры называли жителей берегов Амура ниже устья Уссури, но если к ним относилось именование *урсу* («народ»), то оно могло дать наименование соседей *улча*, *олча*, и, наконец, это слово стало самоназванием ороков — *улта*.

Сам А.Ф. Старцев предлагает новое решение проблем происхождения названий орокского этноса. Он пишет: «...за редким исключением родовые названия или этнонимы тех или иных этносов возникают из топонимов, оронимов, ойконимов или гидронимов. Общеизвестно, что в Приамурье и Приморье этнические названия связываются только с топонимами. Исходя из этого, можно предположить, что и этноним *улта* тоже связан с каким-нибудь названием той или иной территории, где ранее обитали предки ороков Сахалина» (с. 128). Избранное автором направление поисков этимологии этнонимов, особенно если речь идёт о «родовых» названиях, соотносимых с названиями территориальных групп и мотивированных названием местности, которые в свою очередь восходят к географическим апелляциям, следует охарактеризовать как верное. Что касается самого характера топонимов, которые считаются производящими основами этнонимов, и тем более интерпретации этнонимов как дериватов от топонимов, здесь имеется множество нюансов, которые должны учитываться в объяснении самих топонимов и тем более этнонимов.

²⁰ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1975. Т. 1. С. 52—53.

²¹ Бурькин А.А. Имена собственные как исторический источник. СПб, 2013. С. 418.

²² Там же. С. 415.

Сама идея, согласно которой формы *ольча* и *ульча* ~ *ульта* восходят к названиям с основой *ол* и *ул*, могла и не вызывать возражений. Однако при этом формы с основной *ол* и *ул* должны были бы принадлежать одному языку и, будучи этнонимами, иметь распространение в нескольких языках. Как мы уже говорили, такого не наблюдается, и это аргумент в пользу гомогенности данных форм.

Особая тема в книге А.Ф. Старцева — этноним *орочён*, как он сам записывает это этническое наименование. Один из краеугольных камней концепции исследователя — то, что данное название унаследовано ороками от их этнических предков — оленеводов-эвенов. Да, эвены Охотского побережья имеют самоназвание *орача* / мн. ч. *орачил* — «оленные» (оно невыводимо из *оранчи* — «богатый оленями», на чём настаивают сами эвены) и до сих пор называют себя *орочоны*, но только по-русски, а не по-эвенски. Более того, у эвенов Северо-Эвенского района Магаданской области есть патронимия Мангруни, которая могла быть основана выходцами с юга, из района Амурского лимана. У нас есть достоверные свидетельства того, что в первой половине XVIII в. именно эвены, т.е. носители эвенского языка, жили где-то вблизи Удского острога: Я.И. Линденау, записывавший шаманские камлания и собиравший материал по «тунгусам», вместе с эвенкийскими словами и образцами эвенкийских текстов записал камлание шамана-эвена²³, текст которого по особенностям грамматики совпадает с современным эвенском языком, но разительно отличается от эвенкийского. Этнографические материалы, подобранные А.Ф. Старцевым (гл. 7—8), в общем, поддерживают его предположения. То, что в орокском нет следов влияния эвенского, не показательно и не является контраргументом для построений автора: орокский язык имеет южнотунгусскую основу и по фонетике, грамматике и лексике сходен с ульчским и нанайским, как и следовало ожидать. В нём заметны нивхские заимствования, но известно, что как раз нивхский язык был языком межэтнического общения на Сахалине. Сложность восприятия идей автора относительно топонимического образования этнонимов *олча*, *улча*, *улта*, *уйльта* заключается в том, что, во-первых, в тунгусо-маньчжурских языках находится масса сходно звучащих с данными этнонимами апеллятивов, и, во-вторых, топонимика и гидронимика низовьев Амура и огромного района к Северу от Амурского лимана не являются тунгусскими по происхождению. Они оставлены какими-то носителями чукотско-камчатских языков, близких к известным нам диалектам корякского. Известны факты расхождений в трактовке отдельных названий между корякскими этимологиями топонимов и «народными» толкованиями этих же топонимов на основе эвенского. Вот примеры объяснения топонимов, сходных с *ол-* и *ул-*: Ола в Магаданской области — коряк. *улвэв* — «привал, остановка, от-

²³ Бурыкин А.А. Тунгусские шаманские заклинания XVIII века в записях Я.И. Линденау // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб, 1997. Вып. 5. С. 123—146.

дых»²⁴; Улья, река южнее Охотска, — коряк. *вылгилвээм* — «Берёзовая»²⁵, Ульбея, река севернее Охотска, — коряк. *вулвывээм* — «Поперечная»²⁶. Для субстратной топонимии выстраивается правило — сходно звучащие топонимы не обязательно гомогенны в отношении языка-источника.

Этноним *орочён* представляет собой такую же загадку, как и этноним *ульча* — *ульта*, с той лишь разницей, что имеет мотивировку и связан с тунгусским названием домашнего оленя: эвенк. и др. *орон*, эвен. *оран*. А.Ф. Старцев отмечает, что Г.М. Василевич (показательно, что это мнение принадлежит одному из крупнейших специалистов по тунгусскому оленеводству! — А.Б.) связывала данное название с названием местности Оро. В своём словаре Г.М. Василевич даёт слово *орочён* как самоназвание забайкальско-амурских оленных эвенков (с. 327), при этом суффикс *-чен* (не *-чан/-чэн/-чон*, как можно было бы ожидать) оформляет имена деятеля (в т.ч. *орочён* — «олeneвод») и названия жителей²⁷.

Итак, наименования *олча* — *улча*, служащие аллоэтнонимами для тунгусо-язычных народов Амура, только для ороков являются самоназванием *ульта* ~ *уйльта*. Название *орочон* не самоназвание (по крайней мере, не первое самоназвание) оленеводов, живущих на широте Амурского лимана, а также к северу и к югу от него, — и оно становится ещё одним самоназванием ороков. В чём дело? Похоже, мы опять встречаемся с аллоэтнонимом, но уже не для оседлых или полуоседлых жителей берегов Амура и его притоков, а для оленеводов. В связи с этим обращает на себя внимание маньчжурское *орончо* — «олeneвод» и название одной из народностей (эвенки Китая)²⁸.

Похоже, что маньчжуры, заимствовав самоназвание ближайших к ним оленеводов, распространили его на всех оленеводов окрестностей Амура. Ороки как гетерогенный этнос унаследовали от своих этнических прародителей оба наименования, которые не являлись самоназванием этих групп, — и *улта*, и *орочён*. Превращение аллоэтнонимов в самоназвания-автоэтнонимы не редкость, такова история этнонима *калмыки*, который является тюркским по происхождению.

Итак, в том, что касается этногенеза ороков, взгляды автора оказываются достаточно правдоподобными и неплохо защищёнными собственно этнографическими артефактами материальной культуры и исторической этнографии народов Амура и сопредельных территорий, если включить ретроспективу истории ареалов расселения этносов. Что же касается этимологизации этнических названий ороков и их соседей, от которых ороки получили свои самоназвания, при этом из пяти на начало XXI в. осталось

²⁴ Бурькин А.А. Имена собственные как исторический источник. СПб, 2013. С. 338.

²⁵ Там же. С. 350.

²⁶ Там же. С. 350.

²⁷ Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. С. 757.

²⁸ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 25.

два — *уйльта* и *орочён*, — то данный вопрос оказался, во-первых, исключительно сложным, во-вторых, ненадёжным по результатам, в-третьих, не имеющим прямого отношения к этногенезу ороков и косвенно затрагивающим их этническую историю.

Напомним: более 250 лет название коряков связывалось с чукотско-корякским названием оленя *к'орангы*, при этом многих смущало то, что в названии коряков корень слова «олень» имеет чукотскую форму с согласным *р*, которого в диалектах оленных коряков нет и не может быть. Морфологический анализ, направленный на непротиворечивое объяснение целого слова, указал на возможность его происхождения от чукотской формы *ак'оракы* — «безоленный, не имеющий оленей», а анализ первых фиксаций этнонима *коряки* в продолжение всего XVII в. выявил, что самые ранние употребления этого названия с огромной вероятностью относятся к приморским чукчам (иначе для коряков пришлось бы допускать невозможные миграции от Камчатки до Чаунской губы), затем оно было приспособлено к приморским корякам Пенжинской губы, и только на рубеже XVII—XVIII вв. в источниках появляется словосочетание оленные коряки²⁹.

Подведём итоги. В части историографии этнографического изучения ороков и в этнографических и географических компонентах этногенеза и ранней этнической истории ороков книга А.Ф. Старцева, бесспорно, является заметным шагом вперёд по сравнению с тем массивом литературы предшествующих десятилетий, который был проработан автором. Что касается самоназваний и названий ороков у других народов Нижнего Амура и Сахалина, то несомненная заслуга учёного заключена в обзоре имеющихся названий и самоназваний орокского этноса вместе с опытами их этимологического толкования, а также намеченном новом оригинальном решении проблемы, недостатком которого оказалось только то, что ему нашлась альтернатива, неожиданно пришедшая из неосвещённой области исследования — того, как маньчжуры называли жителей берегов Амура и Сахалина.

Работа А.Ф. Старцева, безусловно, должна занять своё место среди трудов дальневосточных учёных-этнографов по проблемам истории и культуры народов Дальнего Востока. Хочется надеяться, что её с интересом прочитают и сами представители коренных этносов бассейна Амура и Сахалина.

А.А. Бурькин, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

²⁹ Бурькин А.А. Имена собственные как исторический источник. СПб, 2013. С. 433—435.